

АЛИСЕ ПЛАТЕ

**«МОСКОВСКОЕ СМЯТЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ» (РЕЦЕНЗИЯ)¹**

**“THE MOSCOW CONFUSION CONTINUES TO THIS DAY”
(REVIEW)**

This article provides a review of Gleb Kazakov’s book “Die Moskauer Strelitzen-Revolte 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa” [The Streltsy Uprising of 1682: Diplomatic Espionage, Intelligence and Narrative Transfer between Russia and Europe]. In this book, the author employs the example of foreign reaction to the uprising of the Tsarist infantry troops to demonstrate that pre-Petrine Russia was not the “hermit nation” it is assumed to be in traditional historiography. By the last quarter of the 17th century, the Moscow state had become significant enough in foreign policy terms to tilt the scales. Its domestic crises mattered: the bloody struggle for power in the Kremlin that followed the death of Tsar Fyodor Alekseevich in April 1682 attracted a great amount of attention in early modern Europe’s communication networks and subsequently produced a flood of narratives. Having analysed the letters of foreign representatives at the Moscow court and numerous early modern print media, Kazakov illustrates the ways in which the turmoil of 1682 was interpreted and instrumentalised in both Russian and European diplomacy and journalism. In addition, the book opens up new perspectives on the functioning of the early modern news market, as well as on the interaction between networks of diplomatic correspondence and the seventeenth-century print media. These perspectives should be considered one of its main merits.

Keywords: Gleb Kazakov, the Streltsy uprising of 1682, Russian history of the 17th century, history of early modern Europe, communication networks, new diplomatic history.

Alice Plate – PhD in History, Researcher, Ural Federal University, Laboratory for the Study of Prime Sources, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: aliceplate@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0055-2385>

1 Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания МНИВО РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018.

Citation: ALICE PLATE, “Moskovskoe smiatenie prodolzhaetsia do segodniashnego dnia (retsenziia)” [The Moscow Confusion continues to This Day”], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 199–212. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.21

Миссия подьячего Никифора Венюкова к польскому королю Яну III Собескому и императорскому двору в Вене затянулась. Первоначально он должен был отправиться в зарубежную поездку в начале мая 1682 г., чтобы передать весть о смерти царя Федора Алексеевича и о воцарении его преемника, Петра Алексеевича. Обстоятельства, однако, изменились, так как среди стрельцов вспыхнул бунт.

Решение интронизировать всего девятилетнего Петра, вместо старшего Ивана, правда, умственного и физического инвалида, но зато родного брата Федора Алексеевича, спровоцировало мятеж стрелецких полков, когда-то элитной, приближенной к царям пехоты. 15 мая 1682 г., как известно, стрельцы штурмовали кремль, было убито большое количество ведущих думных и придворных деятелей, в том числе и принадлежавших к семейству Нарышкиных, родственников Петра. В итоге, под давлением бунтарей, вставших на сторону партии Милославских, семьи Ивана, последний был провозглашен соправителем Петра. Однако сразу восстановить контроль правительству не удалось, и в ближайшие месяцы фактически бразды правления в Москве держали в своих руках стрельцы, диктовавшие, умело лавируя между конкурировавшими придворными группировками, свои условия. Только к осени того же года дела приняли другой оборот: 17 сентября казнили нового руководителя Стрелецкого приказа боярина князя И. А. Хованского; на протяжении последовавших семи лет царевна Софья, родная сестра Ивана, установилась опекуном несовершеннолетних царей, а также полуофициальной регентшей.

Когда в октябре 1682 г. Никифор Венюков, наконец, прибыл в Вену, он с удивлением обнаружил, что там его новость вовсе не являлась новостью. И его объяснениям, что «братья попросили самодержавствовать „обще“»² исключительно по любви друг к другу, верить никто особо не хотел. С подобной ситуацией столкнулись и другие российские курьеры. Известие о произошедшем в далекой Москве мятеже успело проникнуть не только через границы с соседними Швецией и Речью Посполитой, а облетело с быстротой молнии всю Европу.

Глядя с перспективы сегодняшнего дня, роль и влияние внешнеполитических интересов и международного наблюдения на возникновение и динамику протестных движений и правительственных кризисов того или иного государства нам кажутся обыденным делом, почти

2 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa* (Stuttgart, 2021), 95.

само собой разумеющимся последствием глобализационных процессов. А появившиеся в результате подобного рода вмешательства во внутривнутриполитические вопросы других стран термины – такие, как информационная война или дезинформационная кампания, до недавних пор мало кто в исторической науке ассоциировал бы с прошлыми периодами, тем более с эпохой и местом столь отдаленными, как ранне-неомодерное Московское государство. Теперь, правда, не первое, но зато очень живое и наглядное доказательство тому, что допетровская Россия вовсе не являлась той «страной-отшельником», как принято было считать в традиционной западной историографии, предоставил Глеб Казаков³. В своей монографии «Московский стрелецкий бунт 1682 г. Дипломатический шпионаж. Организация передачи новостей и трансфер нарративов между Россией и Европой» полностью переработанной версии его докторской диссертации, защищенной в 2018 г. в университете Фрейбурга автор убедительно демонстрирует, что Россия к последней трети XVII в. стала неотъемлемой частью общеевропейской коммуникационной сети и, к тому же, занимала прочное место на тогдашнем рынке новостей⁴.

«Хованщина» являлась чрезвычайным событием: длившееся три дня жестокое кровопролитие в столице большого европейского государства, вылившееся в общую смуту, и, вдобавок к тому, более чем неоднозначная ситуация двоецарствия, усугубившаяся еще тем фактом, что соправителем выступала женщина. Для современников все это представлялось зрелищем, которое крайне сложно было утаивать от глаз общественности. Реакция западноевропейских правителей, посчитавших политический кризис в России прежде всего угрозой и без того уязвимой внешнеполитической конфигурации на континенте, последовала незамедлительно. Соответственно, уже с конца лета 1682 г., не дав, таким образом, шансов прижиться русской официальной версии о событиях, в Москву были направлены дипломатические миссии. Их письма-донесения домой в Швецию, Данию, Речь Посполитую, Францию, Пруссию-Бранденбург и Нидерланды не только попали на столы к правительственным чинам; не менее пристальный интерес к новостям из России проявляла иностранная пресса. Сюжет, вернее,

3 Относительно подобной традиционной оценки допетровской России см. С.В. О'БРИЕН, *Russia Under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna* (Berkeley, 1952), 178.

4 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682*.

история, в которую он со временем превратился, был слишком хорош, а собранные в письмах слухи, неизбежно обвивавшиеся вокруг события, слишком сочны, чтобы не будоражить воображение редакторов и публицистов.

Особенно живым был отклик в германских странах. В немецкоязычных газетах и публицистике статьи, посвященные «ужасающим лихолетьям и жестокой резне», приключившимся с 15 по 17 мая 1682 г. в Москве, только со временем перешли с первых полос газет в прочие рубрики и тематические разделы. Круг, что было весьма ожидаемо, скоро замкнулся: зарубежная шумиха о внутренних делах России не могла остаться незамеченной в ее столице. Через «куранты», раннемодерный «медиа дайджест», издаваемый в Посольском приказе, кремль скоро узнал о западной трактовке собственного правительственного кризиса. Все изложенные обстоятельства подтверждают оценку Казакова, на наш взгляд справедливо охарактеризовавшего Московский стрелецкий бунт 1682 г. медиа-сенсацией международного масштаба.

Московский стрелецкий бунт 1682 г. относится к хорошо изученным темам в истории России раннего нового времени; богатство и разнообразие источникового материала, а также безусловная привлекательность самого сюжета продолжают притягивать внимание немалого количества исследователей. Новизна работы Казакова заключается, прежде всего, в выбранном им методологическом подходе. В отличие от его предшественников – отечественных историков разных поколений и зарубежных русистов – его не интересуют ни традиционное «whodunnit», простая детективная интрига Милославские vs. Нарышкины, ни социальные мотивы восставших, также он не поставил себе цель скрупулезной позитивистской реконструкции самих событий. Казаков рассматривает восстания, бунты, мятежи и тому подобные вооруженные стычки, как феномен, предоставляющий, в первую очередь, повод для коммуникации, что, следовательно, и распространяется на служившее здесь примером для анализа московское стрелецкое восстание 1682 г. Таким образом, основополагающим замыслом монографии является идея о транслируемости двух на наш взгляд достаточно перспективных в исторической науке подходов на период позднего московского государства. Существенный импульс Казаков получил, во-первых, от немецкого историка М. Гриссе, уже достаточно давно занимавшегося проблемой транснациональности раннемодерных протестных движений, и, во-вторых, от так называемой новой дипломатической истории, ставшей в последние годы настоящим исследователь-

ским трендом, особенно среди немецкоязычных историков-русистов. Последние, однако, преимущественно сконцентрировались на известной своими правительственными кризисами послепетровской России, эпохой так называемых «дворцовых переворотов», оставив, таким образом, с предложенного ракурса мало изученными отличавшиеся не меньшими политическими турбулентностями последние десятилетия XVII в.⁵ Эту исследовательскую нишу теперь собирается занять Казаков. Соответственно, в своей книге он задается вопросами о содержании распространенных в дипломатической переписке новостей о стрелецком восстании, о скорости транспортировки почты и сроках доставки писем к европейским дворам, а также о существовавших для этого маршрутах и предпочитаемых для передачи новостей каналах. Но это не все; помимо анализа существовавших сетей контактов, источников и стратегий, применявших для приобретения новых сведений, Казаков в не меньшей степени интересуется резонанс и эхо, которые вызвали новости из Москвы у адресатов. Он хочет знать, как с момента их поступления история продолжалась, какие меры и шаги предприняли европейские правители, получив известия о различных версиях стрелецкого восстания, и, кроме того, каким образом данная информация была воспринята раннеמודерной общественностью. Операциональными концепция и вопросы становятся посредством понятия о нарративе, под которым Казаков понимает «часто повторяющиеся в исторических источниках повествования, определенные комплексы тем и мотивов, несущие значимую разъяснительную функцию для анализа событий»⁶.

Основная часть монографии, анализ коммуникации о стрелецком восстании, начинается во второй главе «Исторический фон» (с. 35–59) с экскурса о предыстории и о самых происшествиях 1682 г. – при этом достаточно подробного для научного произведения, поскольку со-

5 M. GRIESSE, "Introduction", in *From Mutual Observation to Propaganda War. Premodern Revolts in their Transnational Representations*, ed. M. GRIESSE (Bielefeld, 2014), 733; M. GRIESSE, "State-Arcanum and European Public Spheres: Paradigm Shifts", in *ibid.*, 205–269; С. STEPPAN, *Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)* (Göttingen, 2015), 492; F. SCHEWIE, "Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten. Einleitung zur Edition", in *Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten 1690–1730*, 2016 *Relationen vom russischen Hof* (perspectivia.net) (дата обращения: 15.05.2023); S. MÜLLER-UHRIG, *Wer regiert Russland? Das Aufbegehren des russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas* (Göttingen, 2021), 434.

6 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolution 1682*, 19.

ставленного с учетом осведомленности немецкоязычной аудитории, для большинства которой история допетровской России и тем более события «Хованщины» не являются хрестоматийным знанием. Первый раздел главы «Россия и Европа около 1682 г.» (с. 35–47) посвящен усилению контактов между московским государством и его западными соседями в так называемой «переходной» или «пороговой» эпохе, как Казаков, ссылаясь на немецкий оригинал известной статьи Ш. Требста «Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в новое время» московского централизованного государства», характеризует наступивший с правлением Алексея Михайловича период в истории России⁷. Соответственно, читатель узнает о значении «полков нового строя» и «рутенизации» элит для европеизации страны, а также о реорганизации и модернизации военного дела, способствовавших территориальному расширению России за счет Речи Посполитой, ее прежде могущественного соседа. Одним словом, Казаков убедительно напоминает своему западному читателю о том, что идея о царе-реформаторе, энергично распахнувшем окно в Европу, во многом является лишь красивой метафорой. Тектонический же разлом приходился на пару поколений раньше, на тот судьбоносный 1667 г.: год заключения Андрусовского договора о перемирии, в который под подданство России перешли земли, развивавшиеся на протяжении нескольких веков под влиянием гуманизма, возрождения и католицизма, и когда к Москве отошла Левобережная Украина с Киевом, что впрямую столкнуло страну с интересами Османской империи. Россия отметила тогда свое появление на раннемодерной международной арене, и вскоре к турецкой проблеме присоединилась и балтийская: подтвержденный в Кардиском мире (1661 г.) *status quo ante bellum* дал лишь короткую передышку, достаточную для формирования новых коалиций, группировавшихся вокруг Швеции и Франции – бывших союзников, ставших теперь главными антагонистами на Северо-Востоке Европы. Ключевыми в данной геополитической обстановке являлись русско-шведские взаимоотношения, поскольку Россия, хотя пока и не доросшая до европейской державы, уже обладала достаточным значением, чтобы склонить чашу весов в пользу той или иной стороны. Соответственно, летом и осенью 1682 г. все взоры были обращены на Москву, вся

7 S. TROBST, "Schwellenjahr 1667? Zur Debatte über den »Durchbruch der Neuzeit« im Moskauer Staat", in *Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa*, ed. M. G. MÜLLER (Berlin, 1995), 151171.

Европа с любопытством и страхом наблюдала, как за кремлевскими стенами кризис престолонаследия обернулся кровавой борьбой придворных группировок за власть. С главными вехами этой запутанной и во многом противоречивой истории, объединявшей в себе элементы семейных распрей, социального протеста и недавно пережившей религиозной схизмы, познакомят читателя в следующем разделе «Обзор событий 1682–1698 гг.» (с. 47–59). Данная глава, как в прямом, так и в переносном смысле, завершилась лишь к самому концу столетия с последним, крайне жестко подавленным стрелецким бунтом 1698 г. События в этот раз – Софью и верные ей, как предполагалось, стрелецкие полки заподозрили в подготовке путча против отсутствовавшего в стране Петра – закончились, как известно, пострижением царевны в монахини и упразднением московских стрельцов как военного института и социальной группы.

Для обеих группировок, как для партии царевны Софьи, так и для контрагентов, приверженцев Петра, стрелецкое восстание 1682 г. стало важной точкой отсчета, требовавшей от той и другой стороны немало объяснений для оправдания собственных действий, о занятой ими позиции в те весенние и летние месяцы. Об основных бытовавших тогда версиях, зачастую сосуществовавших и конкурировавших между собой, речь идет в третьей главе монографии «Традирование нарративов о стрелецком восстании в России, 1682–1750 гг.» (с. 60–90). Служивший стрельцам для легитимации своих поступков против произвола начальства «Нарратив мятежников» (с. 60–67), которому посвящен первый раздел, к осени 1682 г. после подавления восстания перестал быть актуальным, и, скорее всего, обернулся опасностью для нового московского правительства, и тем более для царевны Софьи. Помимо применения рестриктивных мер, теперь для эффективного функционирования политики *damnatio memoriae* потребовалось создания новой, адаптированной к изменившимся обстоятельствам легенды. Согласно «Нарративам времен регентства царевны Софьи» (с. 67–81), ставшим в 1682–1684 гг. официальной, рекомендованной для распространения за рубежом версией, царевна Софья, сумев успокоить стрельцов после майского кровопролития денежными подарками, выступает в роли спасительницы страны и гаранта восстановления прежнего порядка. Поскольку правительство публично простило стрельцов, напрямую привлечь их к ответственности было нельзя; поэтому виновниками майских эксцессов объявили «еретиков» то есть старообрядцев, к которым принадлежала немалая часть стрельцов,

в том числе, и князь И. А. Хованский, ставший, удобным козлом отпущения. Однако целиком взять под контроль процесс традирования нарративов оказалось недостижимо, и практически одновременно с одобренной правительством легендой через польскую границу в Европу проникал еще один нарратив о стрелецком восстании. Вскоре повествования о заговоре партии Милославских против Нарышкиных доминировали в европейском дискурсе о московских событиях. Оттуда же эти рассказы вернулись в Россию, где после 1698 г., как показывает раздел «Стрелецкое восстание у авторов петровского и послепетровского периода» (с. 81–90), история о хитрой царевне, ловко манипулировавшей недовольством стрелецких полков, превратилась в новый официальный нарратив.

Заложив необходимые для дальнейшего понимания основы, Казаков в четвертой и пятой главах, наконец, переходит к собственно его интересующим вопросам. Глава IV «Стрелецкое восстание в дипломатической коммуникации 1682–1684 гг.» (с. 911–81) начинается со смущенно-сдержанных «Отчетов российских курьеров в 1682 г.» (с. 91–97), пытавшихся в своих статейных списках обойти малопохвальную правду, что их опередили. О московских событиях вся Европа давно была в курсе, причем не только о санкционированной правительством версии. В последовавших разделах на примерах Дании, Нидерландов, Пруссии-Бранденбурга, Франции, Швеции и Речи Посполитой, поставшихся в 1682 г. отправить в Россию дипломатические миссии, Казаков тщательно реконструирует находившиеся, прежде всего, в шведских руках сети информаторов, оперативно организовавших поставку переписки из российской столицы. Соответственно, читатель узнает о преимущественно использованных каналах, связавших Москву через Новгород и Псков с прибалтийскими портами Рига и Нарва, практически вытеснивших к этому времени традиционный торговый путь в Европу через Архангельск и Белое море. Удивляет высокая, разумеется по меркам XVII в., скорость передачи новостей. Не в последнюю очередь, благодаря установленной в 1661 г. в Московском государстве почте, в 1682–1683 гг. письма, отправленные из Москвы, доходили до контактного лица в Нарве в течении двух-трех недель, и дальше дорога через море в Стокгольм занимала еще две, максимально четыре недели, в зависимости от погодных и сезонных условий. Бросается также в глаза, особенно если сравнить с ситуацией XVIII в., разнообразность источников снабжения новостями. В момент начала восстания при Московском дворе был аккредитован лишь нидерландский предста-

витель, Иоганн ван Келлер, а остальные монархи, напрасно ходатайствовавшие в годы правления Федора Алексеевича за продление договоров своих дипломатов, в 1682 г. заново должны были формировать делегации. В связи с этим для обеспечения новостями о восстании использовались разные источники: ценными посредниками, благодаря знанию местности и языка, выступали купцы, в качестве информационных агентов привлекались и государственные служители иностранного происхождения, как например, дьяк Андрей Винуус. Наряду с этим более технически организационным аспектом функционирования коммуникационных сетей освещается не менее значимый момент – способы выстраивания неформальных отношений. Одним из, пожалуй, самых сильных эпизодов работы, как в научном плане, так и с позиции яркости рассказа, является описание дипломатической дуэли между шведским посланником Кристофом Кохом и его внешнеполитическим оппонентом, представителем датского королевского двора Хильдебрандом фон Хорном. Контрагенты, оба получившие инструкцию склонить новую российскую власть к союзнической политике, отвечавшей внешнеполитическим амбициям их страны, соперничали за благосклонность московской политической элиты, используя все характерные для их профессии приемы: лесть, подкуп и дискредитацию. Об обещанном в названии книги дипломатическом шпионаже речь идет в разделе главы, посвященном анализу переписки польских посланников: польский король, в отличие от западноевропейских государей, довольствовавшихся минимальной программой, увидел во внутривнутриполитическом кризисе соседа удобный шанс для пересмотра положений Андрусовского перемирия, тем более, что сроки его действия скоро должны были истекать. Миссия Станислава Бентковского в Смоленщину, в местечко Кадино, преследовавшая цель прощупать настроение в приграничных районах и распространять пропольскую пропаганду, однако, как доказал Казаков, завершилась провалом.

Глава V «Стрелецкое восстание в европейской раннемодерной общности» (с. 1822–40) отведена второму заявленному автором тематическому комплексу, отголоскам московских беспорядков в зарубежной прессе в газетах, журналах и брошюрах. За достаточно длительным введением в европейское печатное дело и функционирование транснационального рынка новостей раннего Нового времени следует подробный анализ моментов взаимодействий и переплетений между сетями дипломатической корреспонденции, с одной стороны, и прессой и ее представителями с другой. Главным образом издатели

получили информацию о восстании из донесений отправленных в Москву дипломатов. Но и последние, в свою очередь, так как количество источников был невеликим, а спрос на свежие новости не иссякал, порой, чтобы отчитаться перед своими правительствами, были вынуждены обращаться к газетным статьям. Так же, как и сама переписка, поскольку события воспринимались через призму лишь относительно знакомых с внутренними делами России иностранцев, транслируемые нарративы были подвержены адаптационным процессам. Официальная правительственная версия, приписавшая вину за майскую резню старообрядцам, за рубежом не прижилась. Оказалась она в европейском контексте «белым пятном», так как в раннее Новое время сама православная вера воспринималась схизмой; а схизма схизмы – это явление слишком сложное, чтобы делать из него историю. Гораздо интереснее с точки зрения публицистики, тем более, что он перекликался с собственным опытом, был сценарий о заговоре Милославских против Нарышкиных. В связи с тем, что часть стрелецких полков привлекалась для охраны кремля, западная пресса их волнения скоро стала сравнивать с бунтами янычарского корпуса, более известным европейскому читателю сюжетом. В России подобная трактовка стала неотъемлемой частью петровского дискурса, согласно которому стрелецкие мятежи ассоциировались со «старой» Россией, в то время как реформы первого императора открыли стране путь в «цивилизованную» Европу.

Отправной точкой для выводов выделенных, в дополнение к соответствующей главе VI «Заключение: сети, практики и нарративы трансграничной коммуникации» (с. 241–246) еще последние параграфы четвертой и пятой глав – является основной тезис автора о достижении настолько достаточной внешнеполитической весомости России в последней трети XVII в., чтобы вызванное правительственным кризисом восстание в ее столице могло стать объектом пристального международного внимания. Интеграция страны в европейские дипломатические структуры, однако, находилась еще в зачаточном состоянии. Московский двор начала 1680-х гг., в отличие от Санкт-Петербурга имперской эпохи, не являлся сценой и, тем более, хабом большой дипломатии: при Федоре Алексеевиче постоянные представительства не получили утверждения – за исключением Нидерландов, считавшихся наименее опасной европейской страной из-за большого географического расстояния между странами и их преимущественно коммерческих интересов, нежели политических. С неменьшим вниманием, чем за проявленным западной прессой интересом к московским беспоряд-

кам, российское правительство следило за реакциями зарубежной общественности. В эти годы, в отличие от более поздних времен, кремль, все-таки, ограничивался статусом наблюдателя и не подвергал цензуре попавшую на подвластные им территории иностранную прессу. Возможные причины, почему правительство не сочло необходимым или попростому не располагало ресурсами, чтобы ввести контрольные меры, автор, однако, не уточняет.

Книга Глеба Казакова оставляет только положительное впечатление, и с основными выводами трудно не согласиться. Но это не все. Не менее важной заслугой представляется то, что его весьма многообещающий подход к изучению стрелецкого восстания 1682 г. не превратился, как это часто бывает, в самоцель. Иными словами, автор сдержал свое обещание и, согласно старой истине драматурга К. С. Станиславского «Если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно должно выстрелить», в главной части книги ни один из поднятых во введении вопросов не остается необсужденным или без ответа. Именно, в этом грехе: что он переоценил потенциал изученных источников, в связи с чем и заявленный в концептуальной части работы план в итоге оказался неосуществленным, Казакова упрекают, причем, как нам кажется, не вполне справедливо. И, поскольку ситуация сложилась так, что рецензент не является первым рецензентом книги, в данном случае раздел, посвященный критике приходится начать с критики критики. Даниэла Матхубер, научный сотрудник Института Лейбница по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге, выразила сомнения в том «..., насколько автор смог реализовать свое намерение отследить, каким образом доклады оказали влияние на формирование политической программы?».⁸ То есть, она предполагает, что Казаков поставил себе цель показать степень воздействия различных циркулировавших нарративов о стрелецком восстании на процесс принятия внешнеполитических решений европейских правительств. Однако о таких намерениях, что действительно говорило бы о допущении стратегической ошибки, свидетельств в тексте не обнаруживается. Казакова интересует лишь отражение нарративов в западных масс-медиа. Об обратном выводе речи не идет:

8 D. MATHUBER, "Rezension zu: Kazakov, Gleb: Die Moskauer Strelitzen-Revolution 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa. Stuttgart 2021" in *H-Soz-Kult*, 26.05.2022, <www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-113470>. (дата обращения 15.05. 2023).

в соответствии с инструкциями отправлявших их дворов, западные дипломаты руководствовались чисто политическими мотивами. Сказанное четко проистекает из соответствующих тематических глав и заключения. Другое дело, что Казакова справедливо считать состоявшимся историком, а монографию, несмотря на то, что она является опубликованной диссертацией, вовсе не его научным дебютом; на данную тему уже вышло несколько его статей, в том числе в соавторстве⁹. Поэтому маловероятно, что такое явное нарушение логики осталось бы ранее незамеченным.

Тем не менее, критика возникла не на пустом месте. Только обусловлена она, скорее всего, недоразумением, поскольку формулировка «Каким образом информация о волнениях в Московском государстве была использована европейскими дворами в собственных политических интересах, и какое влияние оказывали эти новости на процессы принятия политических решений?»¹⁰ действительно подразумевает (по крайней мере в немецком оригинале текста) наличие подобного рода политической программы, как предположила Матхубер. Таким образом, проблема, как выясняется, не логическая, а лингвистическая.

Однако упрекать за такого рода ляпсусы хочется не автора книги, а, скорее, ответственных за ее редакцию. Текст, правда, местами недостаточно отшлифован в отношении лексики и синтаксиса остались некоторые отклонения от языкового стандарта, что порой омрачает получаемое от чтения удовольствие. И это жаль, так как Глеб Казаков не только пишет о коммуникации, но и сам является прекрасным коммуникатором: в прямом смысле как историк, который несмотря на все свойственные в последнее время данной дисциплине концептуальные и методологические инновации, не забыл, что сердцем исторической науки осталось умение рассказать интересную историю. При этом и в более широком смысле немецкий историк российского происхождения (или, наоборот, работающий в Германии российский историк) принимает на себя функцию посредника. В отличие от более «доступного» для исследователей обеих сторон XVIII века, специалисты по истории XVII века, одинаково хорошо справляющиеся с расшифров-

9 См., например: Г. М. Казаков, «Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г.», в *Российская история*, no. 3 (2018): 121–133; Г. М. Казаков, И. Майер, «Оттоман Разин»: Разин как турок в немецкой печати 1670–1671 гг.», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 72, no. 2 (2018): 95–107.

10 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682, 1718*.

кой скорописи допетровской эпохи и немецкого куррент шрифта времени барокко, до сих пор являют собой завидное исключение. Поэтому публикации таких ученых, что и показывает его недавно вышедшая в соавторстве с А. С. Лавровым монография «Хованщина. Донесения шведских агентов»¹¹, служат не только первичным, очевидным целям, то есть обогащению знаниями но и введению в научный оборот прежде неизвестных документов. Кроме того, подобные издания, особенно когда они, как в данном случае, снабжены переводом документов, способствуют обоюдной готовности к взаимопониманию, что кажется не менее ценной заслугой.

References

- MALTE GRIESSE, "Introduction", in *From Mutual Observation to Propaganda War: Pre-modern Revolts in their Transnational Representations*, ed. M. GRIESSE (Bielefeld: transcript Verlag, 2014), 733. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839426425>
- MALTE GRIESSE, "State-Arcanum and European Public Spheres: Paradigm Shifts", in *From Mutual Observation to Propaganda War: Pre-modern Revolts in their Transnational Representations*, ed. M. GRIESSE (Bielefeld: transcript Verlag, 2014), 205–269. <https://doi.org/10.14361/transcript.9783839426425.205>
- G. M. KAZAKOV, "Poezdka pod`iachego Nikity Alekseeva v Shveciu i Daniu v 1682 g." [Clerk Nikita Alekseev's Journey to Sweden and Denmark in 1682], *Rossiiskaia istoria*, no. 3 (2018): 121–133. <https://doi.org/10.7868/S0869568718030111>
- G. M. KAZAKOV, A. S. LAVROV, *Khovanshchina. Donesenia shvedskikh agentov, 1682–1683 gg.*, Podgotovka teksta, perevod, primechania i posleslovie G. M. Kazakova i A. S. Lavrova [Khovanshchina: Reports of Swedish Agents, 1682–1683, Text Preparation, Translation, Notes and Afterword by G.M. KAZAKOV and A.S. LAVROV] (Sankt-Peterburg: Nauka, 2022), 230.
- G. M. KAZAKOV, I. MAIER, "'Ottoman Razin': Razin kak turok v nemeckoi pechati 1670–1671 gg. ["The Ottoman Razin": Razin as a Turk in the German Press of 1670/1671], *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 72, no. 2 (2018): 95–107.
- GLEB KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa* [The Streltsy Uprising of 1682: Diplomatic Espionage, Intelligence, and Narrative Transfer between Russia and Europe] (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021), 17–19, 95. <https://doi.org/10.25162/9783515129824>
- DANIELA MATHUBER, "Rezension zu: Kazakov, Gleb: Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen

11 Хованщина. Донесения шведских агентов, 1682–1683 гг., Подготовка текста, перевод, примечания и послесловие Г.М. Казакова и А.С. Лаврова (Санкт-Петербург, 2022), 230.

Russland und Europa. Stuttgart 2021" [A Review of Gleb Kazakov's: The Streltsy Uprising of 1682: Diplomatic Espionage, Intelligence and Narrative Transfer between Russia and Europe. Stuttgart 2021], in *H-Soz-Kult*, 26.05.2022

www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-113470 (Accessed May 15, 2023)

STEVEN MÜLLER-UHRIG, *Wer regiert Russland? Das Aufbegehren des russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas* [Who Rules Russia? The Uprising of the Russian Nobility in 1730 as a Perceived Threat to the Monarchs of Europe] (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2021), 434. <https://doi.org/10.7767/9783205212805>

CARL BICKFORD O'BRIEN, *Russia Under Two Tsars 1682–1689: The Regency of Sophia Alekseevna* (Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1952), 178.

FRANZISKA SCHEDEWIE, "Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten. Einleitung zur Edition" [Relations from the Russian Court: The Reports of European Diplomats], in *Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten 1690–1730*, 2016 *Relationen vom russischen Hof* (perspectivia.net) (Accessed May 15, 2023).

CHRISTIAN STEPPAN, *Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)* [Actors at a Foreign Court: Political Communication and Representation of Imperial Envoys during the Decade of Change at the Russian Court (1720–1730)] (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015), 492. <https://doi.org/10.14220/9783737004336>

STEFAN TROEBST, "Schwellenjahr 1667? Zur Debatte über den »Durchbruch der Neuzeit« im Moskauer Staat" [Was 1667 a Pivotal Year? Debating the "Breakthrough of Modernity" in the Muscovite State], in *Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa*, ed. M. G. MÜLLER (Berlin: Akademie Verlag, 1995), 151171.